

Игра. Повесть

[Василь ТКАЧЕВ \(Беларусь\)](#) - 10 ноября 2014

1

Почти одновременно из пункта «А» (Чернигов) в пункт «Б» (Гомель) навстречу выехали два человека: доцент факультета славянских языков Черниговского университета имени Т. Г. Шевченко Василь Буденовский и доцент кафедры белорусской литературы Гомельского университета имени Ф. Скорины Виктор Ярось. Оба были в строгих костюмах, при галстуках и оба являлись признанными поэтами, членами творческих союзов своих независимых с недавнего времени государств. Василь Буденовский ехал в гости к Виктору Яросю, а Виктор Ярось — к Василю Буденовскому. Славяне дружили. И давно. Поэтому о поездке друг к другу даже не договаривались, они поступали так и прежде, собрались... и поехали. «Пусть Василю будет сюрприз!», «Пусть Виктору будет сюрприз!» Часто они без уведомления ездили друг к другу в гости, и никаких накладок не было: всегда встречались, как и подобает, на должном уровне. Пожатие рук, объятия, а из крепких напитков не брали в рот ни капли. Плюньте тому в глаза, кто говорит, что поэты пьют чрезмерно, не зная предела, как верблюды перед жарой — впрок. Эти не пили. Ни капли. Многим, видимо, и в самом деле интересно — а для чего же они тогда собираются, ездят в гости друг у другу? Разве им больше нечем заняться? А они ездят, так как им, вероятно, уж очень интересно вместе, и не считают себя чужаками.

2

Василь Буденовский билет на автобус купил заранее, потому что знал:

в субботу много торговцев с сумками стараются попасть в Гомель, автобус же, как известно, не резиновый. Желающих поехать к белорусам на базар очень много и на это раз. Что везут братья-украинцы братьям-белорусам? Конечно же: сало, подсолнечное масло, марочное и дешевое вино,

маргарин, сливочное масло, а также носки, чулки, белье... Всего понемногу. А выгода, наверное же, какая-то есть, если не втиснуться из-за них в тот автобус, таким вот скромным и — не его беда! — известным людям, как поэт и преподаватель Василь Буденовский. В Гомеле, кстати, есть проспект Кравчука — дорога от железнодорожного (а рядом и авто) вокзала до центрального городского базара: когда-то по обе стороны ее стояли торгаши из Украины и предлагали различный товар. Переименовать проспект по случаю смены президентов не успели — уже когда был избран Кучма, торговать там запретили, и друзья-соседи облепили, где только можно было, городской базар, а наиболее пронырливые втерлись в середину. А проспект Кравчука существует и сегодня — в памяти хотя, но все же...

Прежде чем занять свое законное место в автобусе, Василь Буденовский согласился выручить парня в кепке и с дыркой между зубами, взял у того четыре бутылки вина. Тех бутылок поэт не видел, они были в целлофановом пакете, к тому же еще и завернуты в газету, на которой он успел заметить свою фамилию, и догадался, что это последний номер областной «молодежки», где напечатали подборку его стихов. Парень в кепке и с дыркой между зубами такие же свертки передал еще двум человекам, и всех сердечно благодарил, ведь иначе, говорил, таможня не пропустит, а это его хлеб. Не вино, конечно же, а челночная торговля, и ему пошли навстречу. Василь Буденовский не слишком разбирался во всем этом, но людям помогать любил, хотя иногда ему это дорого стоило. И зарекался же не делать больше такого, однако забывал об этом почему-то сразу, стоило обратиться к нему снова кому-либо: «Вы, уважаемый, не могли бы мне?..»

Вскоре автобус зашатался на ухабах, которых появилось почему-то много в последнее время на привокзальной площади, и отправился по маршруту. Пассажиры постепенно успокоились, занявшись своими привычными делами: одни завтракали, другие перекладывали из сумки в сумку, из пакета в пакет разные свертки, рулоны, пакетики... И так почти всю дорогу, до самой таможни, копошились, как жуки. Чувствовалось, что они волнуются. И еще то, что все они хорошо знают друг друга.

Василь Буденовский попытался уснуть — не получилось, в голову приходили разные мысли, он чувствовал радость от близкой встречи с белорусским другом. Вспоминал и свою жизнь. Что-то наполнило душу теплом, что-то оставляло досадное, горькое воспоминание. Однако же

жизнь шла, идет и будет, надо надеяться на это, идти. Издал одиннадцать книг стихов, вырастил сына, а теперь лелеет внука. Преподает в университете. Правда, за кандидатскую даже не брался. А зачем? Что нового, полезного, нужного людям, рассуждал, скажет он? Получалось — ничего. Тогда зачем портить и свое время, и время людей? Лучше написать книгу стихов. Это у него получалось хорошо, а надо делать всегда то, что получается. К тому же и преподавателем он был от Бога — на его лекциях студенты отсутствовали только по какой-то уважительной причине. Мало кто знал, что Василь Буденовский перевел на свой родной язык Библию. Полностью. Пока он не напечатает ее, мало кто, видимо, и поверит. А он выполнил такую работу! Представлял, как похвалится Виктору Ярославлю и тот ахнет от удивления: неужели? Да, братец белорус, да.

Была и еще одна цель у поэта и преподавателя — приобрести в Гомеле минеральные удобрения. Хотя бы килограммов десять. На дачном участке необходимы, а то ведь коровяк дорогой и купить сегодня с его деньгами не по карману. Перед самой таможней Василь Буденовский спросил у того парня в кепке:

— Говорят, там есть удобрения. Комплексные. На базаре в пакетах. Не встречал часом?

Ответ был неопределенный:

— Видел, везли. А где брали?.. Может быть, там.

Парень в кепке и с дыркой между зубами вдруг задержал взгляд на лице Василя Буденовского, собрал на переносице в пучок морщины и несмело, но громко спросил:

— Подождите, вы не поэт?

— Поэт.

— А я вас сразу вспомнил, только сомневался... Мог ведь и ошибиться. Дай, думаю, лучше присмотрюсь. И не ошибся! Вы к нам приходили в общежитие... стишки читали.

— Раньше часто ходили. И в общежития, и в школы, и в ПТУ, по селам ездили. Было!

— А теперь почему же?

— Кому мы там нужны? Теперь у нас поощряется тот, кто разговаривает не на родном языке, а на каком-нибудь иностранном — преимущественно на английском... Вот тех сегодня встречают хлебом-солью. И кабанчика зажарят.

До парня в кепке не дошло об иностранных языках, он, размышляя о чем-то своем, еще раз показал соседу по салону в автобусе щель между зубами и на какое-то время умолк. Чтобы не молчать, Василь Буденовский кивнул на пакет, стоявший у его ног, и поинтересовался:

— Так что, и правда, с этого живешь?

Тот ответил почти сразу:

— Шурой прозвали. Знаете такого певца?

— Нет, — покрутил головой Василь Буденовский. — Не слышал.

— Беззубый.

— А-а!

— Так и у меня же зуба нет. Да спереди. Как и у него. А где на зуб деньги возьмешь? Хорошо, если бы хоть один... А так ведь полон рот гнилых... Тех не видно... Вот и таскаюсь с этими бутылками, чтобы денег собрать... Когда служить на Новую Землю посылали, то зубы были все... Не пойдешь ведь в военкомат. Чтобы востребовать. Там пошлют. Еще и в спину плюнут.

— А ты сходи, сходи, — посоветовал Василь Буденовский.

— Шутите? — снова показал ему щербатый рот парень.

— А видимо, и да...

— Засмеют.

— Могут. И в самом деле — могут.

Стоп: таможня. Пассажиры автобуса притихли, и вскоре в салон вошел прапорщик-пограничник, который приказал подготовить паспорта для проверки. Пожалуйста. Процедура знакомая. Он молча рассматривал паспорта, возвращал их владельцам, а заговорил только, когда в его руках

оказался паспорт, который подал ему Василь Буденовский. Пограничник заглянул в паспорт, посмотрел на Буденовского, приказал:

— Выходите! У вас чужой паспорт.

— Как чужой?! — не поверил сначала Василь Буденовский, а когда взял тот документ в руки, все понял: это был паспорт жены. В одно мгновение он представил, как возвращается назад, пожалел, что не встретится с Виктором Яросем, и не меньше — что не привезет комплексных удобрений. Кранты урожаю.

Тем не менее, настроение у Василя Буденовского — он и сам удивился этому — было на подобающем уровне, и он, выйдя из автобуса и не обращая внимания на сочувствие пассажиров, которые сверлили его взглядами, держал паспорт жены в вытянутой руке, смотрел на фотографию и артистично признавался супруге в любви:

— Видишь, мое сердечко, как сильно я тебя люблю! То, что я тебе раньше говорил? Вот теперь верь. Даже паспорт твой взял вместо своего... А почему? Что, тебе и это не интересно? Прости. Так фото в твоём паспорте приклеено. А я без тебя ни шагу! Хоть с самой, хоть с фотографией, любовь моя! До встречи. И прости, что возвращаюсь без азотных, калийных и фосфорных удобрений.

.

З

.

Виктор Ярось занимал два сидения в шикарном «Икарусе»: на первом сидел сам, а на том, которое ближе к окну, поставил сумку. В сумке была новая книга стихов, изданная на средства спонсоров, и подарок внуку Василя Буденовского Богданчику, которого он видел всего однажды, но который пришелся по душе: сообразительный, хороший мальчик. Может, потому еще так понравился Виктору Яросю внук Василя, что он и сам мечтал о таком счастье, но этим пока похвалиться не мог. В чем, конечно же, виноват и сам. Хотя многое зависело от обстоятельств... Однако же обстоятельства создавал и он сам. Как получилось, одним словом, так и получилось. Причина одна и банальная, почему у него пока нет внука, о котором мечтал, с которым надеялся разговаривать только на белорусском языке — как Василь с Богданчиком на украинском: поздно женился. Учеба в

университете в Минске, потом когда их, группу откровенных студентов, отчислили якобы за злобное проявление национализма (затребовали, чтобы все лекции читались на родном языке), с трудностями и не без помощи Максима Танка устроился в Гомельский университет, потом работал в районной газете, на телевидении, пока, наконец, не нашел себя в университете. Начал преподавать. Защитил кандидатскую диссертацию. Писал стихи. Поэтические достижения невелики, хотя печатается много: книги выходят редко, слишком даже, так как рассуждает Виктор — и справедливо! — если бы работал где-либо поближе к издательствам, а лучше в каком-нибудь из них, то все было бы иначе. А та-а-ак! Пшик дело. В последнее время он даже не заходит в книжные магазины, хотя раньше любил это занятие: полистать книжки, которые еще пахнут свежей типографской краской, что-то купить для домашней библиотеки. А теперь... только себе навредить — испортить настроение, заглянув в книжный магазин, и можно. Издательства чтят одних и тех же поэтов — и в первую очередь сами издатели печатаются, которые обскакали даже классиков. Завалили книжные прилавки своими томами. Ни совести, ни... Что это еще может отсутствовать у таких нечестных людей? Один черт знает! Взять бы такого за шкуру да тряхануть хорошо, как это в деревнях мужчины делают, когда какой-нибудь умник обманет другого. Но не возьмешь. И характер не тот, и руки пачкать не хочется. Хотя, если так будет и дальше, может случиться и что-то более страшное... Найдутся поэты, которые умеют писать не только стихи... Найдутся... Все это прорастает — хотя и слабым пока ростком, но прорастает — оттуда, из далекой старины, когда люди, несмотря на кровь, боролись за кусок хлеба. Потому что голод вынуждал. А если не вынуждал?

Иногда и Виктору Ярою хотелось предупредить таких литературных наглецов: бойтесь, остерегайтесь! А потом, когда забывал о том книжном магазине, заваленном томами самих издателей, успокаивался, постепенно остывал.... и зарекался больше не рифмовать, но ненадолго: не из тех людей он, чтобы не писать. Чтобы не писать?.. Некляев все же поэт от Бога — выдал недавно: «У нас нет причин, чтобы не пить...» А у него, у Виктора Яроя, была причина, чтобы не писать... Только не писать он уже не мог. Даже и сейчас, сидя в автобусе, подбирает рифму, бормочет что-то себе под нос, а на бумаге записывает: «На дне Дняпра — якіх дуброў дубы, якіх вякоў, што лісцем адшумелі? На бераг іх выцягваюць, нібы часоў знямелых і душу, і цела...».

От чего уж отбрыкивается так отбрыкивается Виктор Ярося — это от встреч

с читателями. Во-первых, те не сами его зовут, а обычно библиотеки, и на встречах собираются «любители» литературы, которые даже и не слышали раньше его фамилию, не говоря уже, что читали что-то. Сидят тогда, в носу ковыряются... Противно! Ну, а во-вторых, теперь время не то, чтобы бесплатно ездить, считает Виктор Ярось. Хватит, прошло время бесплатных выступлений. Ему даже не всегда гонорар высылают за публикации, а теперь ведь по городу проехать... деньги платить надо. Булку хлеба можно купить. Есть и третья причина, из-за которой известный поэт отказывается от встреч. Кто обычно приглашает? Библиотекари. А когда надо было собрать — придумал же какой-то черт и такое! — тираж на книгу, те заказали всего пять экземпляров его сборника стихов на всю область. Конечно же, сборник не попал в издательский план. Теперь полное табу на выступления. Даже когда зовут друзья-коллеги. Или, например, актер драматического театра и его давний знакомый Владислав Дробовиков. Этот человек вообще интересный. Поэт слабый, а со сцены стихи будто бы и звучат, люди принимают. Обычно он свою встречу с читателями начинает так: «Я, друзья, поэт под даты...» Те смотрят на него повеселевшими глазами: будто бы и на самом деле опрокинул рюмку горькой или чего там, заметно. Открытый человек. Свой. А он тотчас их успокаивает: «Пишу стихи под даты... К Новому году... К Восьмому марта... К Первомаю... Ко Дню Победы...». Это вызывает оживление в зале. Контакт со слушателями найден.

Незадолго до этой поездки в Чернигов Виктор Ярось опубликовал в журнале «Маладосць» статью «Прэлюдыя да спрэчкі», которая наделала шума в литературной среде. Он осмелился составить список из ста поэтов. Не всем понравилось, что они оказались не в первой десятке и не в золотой середине, а тем более и в конце этого списка. А что тогда было говорить поэтам, которым и вовсе не нашлось места в той таблице, которую кто-то даже сравнил с Периодической системой Менделеева, в которой, правда, 105 элементов, и не без иронии порекомендовал Виктору Яросю добавить еще пять поэтов. Поэты зашевелились! В газетах появились отклики — преимущественно злые, колючие. Кто-то предложил даже Союзу писателей сделать бирочки с номерами и обязать всех живых поэтов и поэтесс носить поверх брюк или юбки на правой стороне бирочку. Зашел тот (или зашла) в редакцию литературного издания, а у него на бирочке номер аж «85». «Ну, известное дело, слабак или и вовсе графоман, пошел вон!» И так далее. Один ляпсус все же и на самом деле был в статье Виктора Ярося — он назвал старейшую поэтессу, которая еще живет, в числе умерших. Поэтому написал ей лично письмо, извинился и пожелал долгой жизни... А на

остальное могли обижаться не поэты ли и поэтессы — это их дело. Виктор Яресь гордился, что оживил хотя бы белорусскую литературную жизнь, которая в последние годы была аморфной и какой-то закостенелой. Хватит ворон считать. По ранжиру — становись!

С предложением к Василию Буденовскому составить список из ста лучших поэтов Украины, аналогичный его списку, Виктор Яресь и ехал в Чернигов...

На таможне проблем не было. Показал паспорт, открыл сумку... Это же проделал и на украинской таможне. И вдруг екнуло у Виктора Ярэся сердце: не Василь Буденовский ли? Он, кажется! Держит в вытянутой руке паспорт и, никак, читает стихи? Пока стоит автобус, Виктор Яресь выскользнул из него, но предупредил женщину, сидевшую впереди, что он скоро вернется, чтобы не уехали без него. Та пообещала выполнить просьбу.

.

4

.

Драматург и прозаик Егор Барханов выехал из Гомеля в направлении Чернигова на час позже, чем Виктор Яресь, но поскольку ехал он с соседом на его легковом автомобиле (тот собрался к родственникам и случайно проговорился), то до белорусской таможни добрались почти одновременно. Егор Барханов вез пьесу в театр, хотя и знал, что это бесполезный труд, — его произведение никто там не станет и читать. Но вез. Если написалась пьеса, то ее надо куда-то предлагать. Запасной экземпляр лежит в шкафу, беспокоиться нет причины. Хватит для всех. Не хватает только что пока для зрителей... Хотя несколько пьес Егора Барханова пробилось на сцену, о нем писали газеты, у него брали интервью для радио и телеэкрана. «Хорошо начинаешь, — заметил один известный драматург. — Этого тебе не простят...». Кто не простит, почему и зачем? Тогда он не задумывался над этим вопросом, а вспомнит обо всем значительно позже... И вот теперь он, чудак, надеялся почему-то на соседей-украинцев.

.

5

Как раз в тот момент, когда он разговаривал с фотографией своей жены, Василя Буденовского узнал молодой краснощекий и немного куцый таможенник:

— Смотри ты, поэт! Я же вас по телеку видел! И не однажды! Не ошибаюсь?

Василь Буденовский подтвердил:

— Да, да. А вы же, кажется, на таможе работаете?

— И еще скажете! Ну а где же? Здесь!

— А меня не пускают.

— Куда?

— В Гомель. Раньше...

— Няма таго, што раньш было. В белорусской песне, кажется, так поется. И что случилось?

— Паспорта перепутал. Вместо своего паспорт жены взял. Они ведь одинакового цвета — синие. Что, нельзя было женщинам другой подобрать? А мне теперь вот хоть стой, хоть падай. Здесь уже и ехать осталось... Посоветуй что, хороший человек? А я тебе по телеку привет передам. Рукой помашу. И фамилию назову.

Таможенник захохотал:

— Ой, нет! Что-либо другое, только не это. Терпеть не могу, когда у Якубовича в «Поле чудес» приветы шлют. Так чем же вам помочь? Послушай, поэт: я еду в Чернигов, давай подброшу, а тогда снова, если очень надо, сядешь в автобус, но со своим паспортом... и все проблемы. А?

— Дай подумать минутку, — попросил Василь Буденовский.

— Подумай. Я ведь знаю, что на белорусской таможе вас задержали.

— А если им позвонить туда? — заинтересовался Василь Буденовский.

— Так не делаем. Один раз позвонишь, два... и будем этим заниматься... будем только и знать, как друг другу услуживать... А нам нельзя. Зачем

тогда таможни сооружали? Служба такая, брат поэт. Ничего не поделаешь.

Василь Буденовский спрятал паспорт, наконец, в карман, сказал громко

и хлестко:

— А хрен вас знает, зачем и на самом деле возвели эти таможни? Ездили же... И было нам всем хорошо. Так нет — настроили! Игра какая-то взрослых людей. Ну нет ведь границ! Нет! На бумаге только... А главные игроки те же самые, говорят, вокруг Гомеля и Чернигова коттеджи фугуют — будь здоров!..

Таможенник его уже не слушал — махнул рукой и пошагал к турникету: там остановился очередной автобус, и ему надлежало посмотреть, что везут пассажиры...

И в это самое время Василь Буденовский и Виктор Яресь встретились взглядами, долго смотрели друг на друга и ничего не понимали. «Не Виктор ли? Да нет, откуда он здесь может взяться? Это еще наша территория»... «Василь? Кажется, Василь. Но, подожди. Будто бы похож он на себя, будто бы и нет! Поинтересуюсь. По голове не дадут». На всякий случай Виктор Яресь кашлянул, полупшепотом произнес:

— Василь?..

В ответ услышал:

— Виктор?..

Поэты бросились друг к другу в объятия. Они смеялись от счастья и обнимались. Пассажиры автобусов, шедших из пункта «А» в пункт «Б» и наоборот, удивляясь, смотрели на этих мужчин, и на лицах у некоторых из них светились радостные улыбки.

.

6

.

На этой таможне в прошлом году немного осрамился Егор Барханов. Черниговской областной писательской организации исполнилось тогда тридцать лет, и его пригласили на юбилей. Когда возвращался назад, то на автовокзале к нему обратился щербатый парень в кепке и попросил

выручить — провезти через таможеню четыре бутылки вина. Всего четыре. Мелочи. Разве тяжело? И когда еще славянин не выручал славянина? Как раз в тот самый момент Егор Барханов вспомнил красиво сработанный полированный стол с фигурными ножками, вишневого цвета, который стоял в хате деда Якова. Стол тот был у деда с тридцатых годов, когда в Украине свирепствовал голод. Он, конечно же, спас от смерти не одну жизнь. Так как дерево ест только шашель, а хлеб — люди.

— Давайте ваше вино, — посмотрел на парня Егор Барханов и взял из его рук увесистый целлофановый пакет.

— Вам ведь все равно — один дипломат. Думаю, не обременил...

— И я так считаю.

Но так не считал сотрудник таможни. Когда автобус остановился, в салон заглянул усатый дядька в форме, и сразу же его лицо сделалось строгим, а голос был суровый и неприступный:

— А, это вы! Все знакомые лица. Да, да, понятно. Взять вещи — и через зал!

Люди долго суетились в комнате, которая, почувствовал Егор Барханов, тем хорошо знакома, а потом поступила команда по одному с вещами заходить в другую комнату — к усатому таможеннику. Однако вскоре очередь нарушилась, потому что таможенник — тот самый, который вымел всех из автобуса, — придирался к чему только можно было, несколько человек совсем повернул назад, а люди напирали, напирали, ведь кто из нас любит стоять в очереди! Хоть в магазине, хоть в автокассе... Хоть где! Даже, казалось, и там, где ничего хорошего не предвещалось, все равно бы лезли, напирали, лишь бы только быть первыми...

Тех, у кого не было никаких вещей, сразу отпустили. У Егора Барханова — вино ведь, и хотя он потерял целый час на досмотре вещей, однако был доволен, что влез в это дело. Иначе, как бы он поучаствовал в этой игре, где с одной стороны были пассажиры, с другой — усатый таможенник. Надо было видеть. В мыслях писатель благодарил щербатого, что тот подсунул ему этот целлофановый пакет. Вот уж таможенник и поиздевался над пассажирами! Как того хотел. Старался показать свою эрудицию, но не совсем получалось. Смотрел на пассажиров пренебрежительно, с презрением, будто на людей ничтожных. А люди... а люди готовы были лизать ему, довольному, видно же, жизнью и своим положением, ботинки... только бы отцепился, только бы не отобрал что-нибудь, а еще хуже — не

повернул назад.

Когда Егор Барханов поставил пакет с вином на стол, таможенник посмотрел на него, спросил:

— Что?

— Четыре бутылки вина.

— Покажи мне того человека, чье вино провозишь, дядька.

— Я могу провезти через границу четыре бутылки вина?

— Можете и больше.

— Так в чем дело?

— Покажи мне того, чье вино!

— Был на празднике писательском, там дали — в подарок! — обманул Егор Барханов, и глазом не моргнув.

— Доставай.

Вскоре бутылки лежали на столе — поставить их было невозможно, так как на каждую были натянуты старые, местами с дырками, носки. Чтобы не разбились в дороге. Только теперь Егор Барханов понял, что... попался. Кто же будет презентовать тебе вино, обутое в старые носки? Пожалел писателя

и таможенник, а напоследок сказал:

— Идите, только больше не берите ни у кого вещи для перевозки. Мой вам совет.

— Учту, прислушаюсь, — пообещал тот и сразу же после таможни вернул целлофановый пакет парню в кепке, за что тот даже не поблагодарил. Он поблагодарил его сам. Хотя хозяин четырех бутылок вина не догадался, конечно же, за что.

Еще вот что запомнилось тогда Егору Барханову. Все «потерпевшие» вынуждены были приобрести один из номеров специализированного журнала. Не «Таможенник Беларуси» ли? Что-то близкое к этому. По две тысячи рублей, кажется, за экземпляр. Пассажиры, в основном украинцы, носились по таможне в поисках денег, вытрясали друг у друга те рубли.

Концерт, да и только! Егор Барханов тогда подумал: а почему бы не распространять, например, «Лесную газету» таким образом? Надо подсказать главному редактору, чтобы посоветовал лесникам вручать самовольным порубщикам вместо штрафа квитанции на подписку газеты, — она бы уже точно стала лидером среди всех изданий.

Проезжая по украинской таможне, Егор Барханов увидел, как обнимаются, мнут друг друга двое мужчин. Так поступают футболисты, когда забьют гол. Подождите, это же!.. Да, да, Егор Барханов не ошибся: он узнал — кто это, и попросил соседа, чтобы тот остановил легковой автомобиль. Вскоре они обнимались уже втроем.

Автобусы и легковой автомобиль поехали дальше своей дорогой, а Василь Буденовский, Виктор Ярослав и примкнувший к ним Егор Барханов сидели в лесу и отмечали встречу. Решили, что никуда ехать больше не надо. Наездились. Хватит. Им будет хорошо здесь, подальше от таможни и таможенников, от городского шума... И пили вино, которое достал из дипломата Егор Барханов. Гулять так гулять.

[Василь ТКАЧЕВ \(Беларусь\)](#) - 10 ноября 2014

<http://webkamerton.ru//2014/11/igra-povest>